

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ

*Э.Р. Григорьян,
Ведущий научный сотрудник
Института философии,
социологии и права НАН РА,
доктор философских наук, профессор*

Новому армянскому государству требуется новая идеология. Она должна базироваться на солидной научной платформе, обобщающей веки исторического развития человечества и учитывающей тонкие реалии современных социально-политических процессов. Такой научной платформой может стать социология, но не школьно-вузовская, а причастная ко многим глобальным трансформациям и остающаяся в тени для широкой публики. Именно в этой социологии скрупулезно изучаются народы и кланы, ежедневно собираются горы информации о действиях конкретных людей и о подспудных процессах, меняющих облик общества, планируются новые государства и разрушаются старые, готовятся войны и делятся территории, уничтожаются одни народы и формируются новые. Среди терминов этой социологии — такие понятия как сборка и разборка объекта, его трансформация в заранее заданном направлении, строгое очерчивание того типа сознания, которое разрешено данному объекту, создание отсечной структуры общества, в котором отсеки наглухо закрыты друг для друга и никто не знает, что происходит в обществе, и каково это общество. Все сферы в обществе прорабатываются через такую социологическую призму. И направление экономического развития, и содержание образования, и подбор управленческих кадров, и концепция врага для спецслужб и многое другое. Ведь, даже военные действия предваряются хорошим изучением противника, его привычек, ценностей, традиций, слабостей, характерных реакций на подаваемые обстоятельства, разбиением противника на противоборствующие социальные группировки и т.д. То, что сегодня называют информационной войной, лишь слабое отражение более мощной, давней и подспудной социологической войны, участвующие в которой многие страны и народы удивились бы, обнаружив себя в качестве хорошо подго-

товленных подразделений для весьма узкого круга дозволенных операций.

Войдем в фойе этой социологии и кинем поверхностный взгляд на ее снаряжение.

Социология – наука, изучающая объект в аспекте его социальности. Объектами являются все социальные формы и образования, в которых число людей от двух и более. Количество таких форм немыслимо, многие из них текучи и быстро распадаются, другие прорастают сквозь толщу тысячелетий. Но помимо статистических данных об объекте, которыми пользуются и другие науки, социология выделяет в нем свой главный предмет – социальность. Последняя возникает из взаимодействия двух и более лиц и функционирует как социальная ткань, поддерживающая контакт, обмен и общение. Социологические знания говорят, как поддерживается эта социальность во множестве ее организационных форм, как инструментализировать ее для выполнения неких широких функций, как усилить ту или иную социальность, как ее ослабить, или разрушить. В обществе существует много разных социальностей. Наиболее широкие – это социальности, продуцируемые госинститутами, международными организациями, глобальными процессами. Малые социальности рождаются в семьях, дружеских компаниях, малых группах.

Но сама социальность есть выражение и продукт процессов, происходящих внутри социального объекта – общества, организации, коллектива, семьи. Социальность есть социологический срез объекта, есть функционирующие нормы, обычаи, ценности, типовые процедуры общения и взаимодействия, тонкие взаимоотношения симпатии или манипулятивные подвохи. Состояние объекта изучается по его социальности. Если объект жизнеспособен, самостоятелен и надежно функционирует, то его социальность должна быть пронизана нормами и идеологемами, защищающими объект от разрушения. Если в эту социальность впустить идеи, нормы и ценности, противоречащие целостности объекта, то объект станет разрушаться. Это легко понять любому руководителю, которому подчас приходится погашать разгорающийся (намеренно или ненамеренно) спор между обидевшимися друг на друга сотрудниками. Если это грамотно не сделать, обеспечены враждебные группировки и крах всей органи-

зации, социальность которой рвется в ключья. То же самое в обществе: руководитель, допустивший организацию противоборствующих групп и партий, расписывается в собственной некомпетентности.

Социальность – это симптоматика объекта, но у каждого объекта, если он продолжает существовать, должна быть вполне определенная социальность. Например, такой объект как политическая партия имеет вполне оформленную социальность. Ее нормы и правила отменяют разномыслие, творческую инициативу, поддерживают дисциплину и униформность поведения. Эта социальность – для определенной категории людей, которых она же и формирует внутри. Социальность научного коллектива ткется из других ценностных и нормативных компонентов, подчас, прямо противоположных партийному духу. Очевидно, если в научном коллективе начинают преобладать партийные нормы, то, как социальный объект, этот коллектив близок к разрушению или трансформации из научной спецификации в иную.

Социальности можно типологизировать по видам деятельности и по уровням общности. Социальности уголовной банды и вузовского коллектива явно различимы, другие социальности, скажем, организации малого бизнеса и крипто-групп могут содержать много общих элементов. Отраслевые социологии, изучающие поведение людей в профессиональных контекстах могут обнаружить много общего у сопряженных классов, например, мир юстиции и мир правонарушений, мир образования и массовое общество и т.д.

Социальность возникает спонтанно и строго регулируется. Социальность конструируется как инструмент, который используется и в целях разрушения и в целях созидания. Вся социальность СССР строго ограничивалась идеологемами марксизма, их отрицание было равно их подтверждению, главное, чтобы циркулировали любые комбинации из этого ограниченного списка понятий. Как социальный объект СССР мог существовать, если только его социальность поддерживала общество как единую целостность. Нормы и ценности СССР не должны были вести к саморазрушению. Но основное содержание идеологием СССР было пропитано идеями классовой борьбы, свержения государственного строя, революционными лозунгами. Социальность противо-

речила сохранению самого общества как объекта! Но сама социология еще, к сожалению, не подошла к выработке понятия нормального общества, как в медицине есть нормальная температура. В противном случае это понятие могло бы заблокировать возникновение такого скоротечного общества как СССР.

Аналогичные примеры возникают и в рыночных обществах. Сама рыночность воплощается в определенной социальности, которая разрушительна для общества. Доминирование индивидуального и меркантильного эгоизма снесет любое общество, если его не поддерживать иными мерами. В этом смысле, любое рыночное, или шире, либеральное оформление социальности порождает тоталитаризм как реакцию общества на предстоящий распад. Не апеллируя к классическим схемам, можно увидеть действие этого алгоритма в волне «арабских революций» 2010-11 гг. Отказ от государственной протекции и воспитательного воздействия, умаление роли общественных и моральных институтов, действующих как фактор мягкой силы, немедленно сносит массу в объятия полуживотных инстинктов, обуздание которых возможно только военной силой. Т.е., общество скатывается к тому состоянию, из которого оно выкарабкивалось не одну тысячу лет.

Дело не только в разъедающей социальность идеологии либерализма; точно то же может происходить, если отдельный институт объявит себя главным и своей идеологией пропитает все поры общества. Например, если это – армия, то милитаризация общества капканом повиснет на всех его планах. Если это – торговля, то мелкокорыстный дух обмана и мелочной наживы сделает атмосферу общества и его социальность отвратительной для растущей молодежи. Если это – религия, то немедленно возобладает дух атеизма или сектантства. Все институты должны быть сгармонизированы и руководящая прослойка, как капитан на мостике корабля, непрерывно маневрирует, не принимая всерьез ни одну идеологию или «изм». Нельзя все время держать «лево руля» или «право руля». Но еще хуже быть примитивным прагматиком, так вообще можно лишиться всякой социальности, разорвать ее в самостоятельные лоскутки.

Если обобщить, то поскольку в каждом обществе есть много разных институтов и иных компонентов, то, как только интересы отдельного компонента выпячиваются, это входит в противо-

речие с механизмами поддержания общества как целостности и естественно, оно начинает разрушаться. Социальность этого общества как его симптоматика начинает свидетельствовать об этих искажениях внутри объекта. Т.е., нельзя забывать, что за всеми социальными взаимодействиями, взаимовыгодными сделками и политическими компромиссами незримо стоит конструкция общества, которая может не выдержать недозволенных перекосов, обрушится и мгновенно потеряют смысл все чинно и легитимно оформленные отношения и визиты в гости.

Но поскольку общества имеют много схожего, то типологизация социальности придает ей некоторую самостоятельность и частичную независимость от объекта. Определенные соотношения будут свидетельствовать о неблагополучии в широком ряде социальных форм (объектов) – в семье, в организациях, в мировом сообществе. Скажем, если социальность какой-либо организации строится в опоре на принцип возвышения малоквалифицированных сотрудников и третирования наиболее способных сотрудников, то вряд ли сможет такая организация долго существовать, будь это школа, организация малого бизнеса или международная ассоциация.

Причиной падения будет влияние известного факта среды. Любой социальный объект в качестве среды, из которой черпает энергию и ресурсы, имеет опять же социальные объекты. Во время конкурентных взаимодействий выстраивается трофическая цепь, где более сильные объекты навязывают более слабым определенный тип социальности, позволяющий безнаказанно эксплуатировать ресурсы иерархически ниже расположенных объектов. Если это происходит в течение достаточно длительного периода, то создается определенная социальная ниша, в которой надолго замуровываются слабые социальные объекты вместе с привитой им «национальной» культурой, то бишь, искусственной социальностью. Очень часто эту роль искусственной социальности выполняет религия. Многие колониальные народы, впитав в себя «культурные» эрзац-продукты «белой расы», потеряли способность к самостоятельной ориентировке в бушующем океане социальных форм.

Известно, что под скипетром британской короны пышным цветом расцвела коррупция. Только выход Гонконга из-под

юрисдикции Великобритании помог эту коррупцию резко уменьшить. А на островах Папуа Новая Гвинея, которые все еще управляются британской короной, можно зафиксировать высочайший уровень коррупции. Новые «демократические республики» стали жить по нормам, которые им активно устанавливали советники из США и Великобритании. И в республиках немедленно расцвели махровым цветом и казнокрадство, и взяточничество в невиданных ранее масштабах. Очевидно, что коррупция — это удобная форма внешнего управления страной, не только навязываемая извне, но и создающая условия для устранения любого непокорного воле внешнего контролера, ведь, все же берут взятки. И все, прощай независимость!

Есть еще более давний способ создать контролируемую социальность. Если издать законы, которые никто не в силах соблюдать, то все автоматически становятся преступниками, а кого сажать в первую очередь, решить недолго.

Можно спросить, а в чем состоит естественное построение социальности?

Взглянем на любой высокопрофессиональный коллектив, которого еще не затронули метастазы разложения. На вершине — компетентная и морально незапятнанная личность, авторитет которой немедленно институционализирует все ее советы, рекомендации и решения, будь то в профессиональной или в моральной сфере. И все эти оценки ситуаций становятся канвой социальности, присущей именно данному коллективу. Незаурядная личность растворена в коллективе, живет ее нуждами и формирует коллектив, и именно поэтому данную группу людей можно называть коллективом. Если такой личности нет, то никакая группа людей не способна стать коллективом, а будет механически воспроизводить «заветы предков», не подозревая, что скатывается в пасть хищной социальной акулы, поджидающей рядом или прикладывающей усилия к ускорению этого процесса. И вся группа, даже не подозревая этого, будет интенсивно эксплуатироваться этой акулой, не имея защиты даже собственную социальность. Многие, даже крупные корпорации и государства пали жертвой собственной жадности, набрав кредитов и оказавшись в вечной долговой тюрьме. Теперь они почти бесплатно отдали в кабалу

многие свои будущие поколения, не говоря уже об иных ценных ресурсах.

А почему у них ослабла социальность? Потому что логика взаимодействия с финансовой акулой требовала перевода на денежные отношения всех социальных связей, даже брачных и семейных. И все, социальность разорвана, никто тебе не поможет, все ищут деньги, рвут и мечутся как звери в капкане, пытаясь на спинах других выбраться из ямы.

Когда социальность крепка, тогда даже лишения, страдания и мытарства переносятся совместно и легче. Даже годы войн и голода не доводят людей до такой потери человеческого облика, как в эпоху намеренного разгрома социальности. Социальность можно представить в виде картинки, где один держит трос, на котором стоит другой и держит другой трос, на котором стоит первый. Если первый захочет схитрить и опустит трос, то опустится вниз другой, но одновременно, поскольку у него конец того троса на котором стоит хитрец, то опустится и сам хитрюга. И наоборот, если напрягшись, первый поднимет трос, на котором стоит другой, то автоматически поднимется и он сам.

Все социальные процессы имеют круговой характер, с чего начнешь, к тому и придешь. Хотя историки говорят, что история не повторяется, с точки зрения социологии, история – это и есть вечное повторение. Алгоритмы поведения элит, технологии к которым они обращаются, решая свои проблемы, спасительные рецепты от социальных кризисов и катастроф очень похожи, если не идентичны на протяжении столетий. Стоило бы социологам издать собрание таких алгоритмов, чтобы человечество убедилось не только в том, что нет ничего нового под луной, но что можно, наконец, сознательно управлять человеческим будущим, заранее зная, к чему прибегнет, например, рядовой олигарх. Но в любых случаях, как та же история показывает, имеет смысл начинать с укрепления социальности, которая как страховочная сетка уберет от падения. Но вузовская социология ничем этому не поможет.

Сегодня под видом научной социологии Запад транслирует колониальную идеологию, которую старательно заучивают наши студенты. Запад преуспел в своей тактике: одна за другой страны ложатся у его ног, радуясь красивой одежде швейцара у дверей

этого великолепного отеля. Но остались серьезные страны, которых спасло наличие собственной социологии. Индия и Китай имеют свои рациональные доктрины, в которых отсутствует понятие бога, но, тем не менее, они более успешны, чем страны, уповающие на бога и попадающие на олигархическую сковородку. Тот же Пифагор, халдеи из Месопотамии, чьи советы по социальной работе актуальны и сегодня, создал мощный фундамент под цивилизацию Запада, благодаря которому она еще существует.

Для того, чтобы развенчать те доктрины, которые сегодня называют социологией, придется много попотеть. Ведь за последние 200 лет, Запад вовсю финансировал издание и многомиллионное тиражирование тех опусов, которые под видом социологии помогли ему завоевать полмира. Но не потому, что в этих книгах было умное содержание, а потому, что они помогали оглушать население, а в первую очередь, элиту этих стран.

Приведем, хотя бы несколько тех несообразностей, которые остались незамеченными ученым сообществом социологов. М.Вебер считал, что рост капитализма связан с этикой протестантских движений. Самая богатая на протестантские движения – это, конечно, Армения. Павликиане, тондракийцы, богومیлы, катары, гуситы, моравские братья, альбигойцы и множество иных социальных протестных движений средневековья были либо прямо инициированы павликианами, получавшими всюду разные именованья, либо их местными последователями. Сами они называли себя совершенными людьми (катариал), что осталось во французских катарах. Но все эти движения пронизаны духом аскетизма и равноправия, более того, все они отвергали Ветхий завет как проявление любви к материальному, как культ «золотого тельца», как принижение человеческого стремления к познанию, выразившемуся в библейском осуждении Адама за то, что он попробовал яблоко с древа познания. Как мог М.Вебер вывести отсюда прямо противоположное заключение?

Советские попытки интерпретировать эти движения в марксистском ключе классовой борьбы за экономические интересы наталкиваются на совершенно удивительные обстоятельства. Эти движения были, прежде всего, протестом против морального падения священнослужителей, против овладевшего церквями

стремления ко всему материальному, вразрез с прокламируемой ими любовью к богу. Т.е., ими двигали не классовые интересы и соперничество с церковью в приобретении материальных благ, а восстановление достойной социальности и морального порядка. Далее, выясняется, что основой социальных движений в средневековой Европе была борьба за место в социальной системе мигрантов из Армении и Византии, обладавших более высоким интеллектом и уровнем культуры, который не могли вместить узко огороженные нормы феодального поместья. И только, когда они получали, наконец, желанную свободу и простор для своего интеллекта, вспыхивали эпохи итальянского Возрождения и европейского Ренессанса в целом. Иначе говоря, двигателем истории является противоречие между узкой социальной системой, сложившейся на базе совмещения интересов местных феодалов и нравов населения, и более широким интеллектом, вторгающимся из Малой Азии и воспитанным в духе пифагорейского гностицизма, т.е., приоритета познания перед верой. Кстати, если внимательно присмотреться к выдающимся деятелям армянской культуры, то выясняется, что и они в большинстве своем – гностики. Яркий пример – М.Маштоц, не упоминая Д.Анахта.

А классовая борьба бедных с богатыми – миф, который развенчивается сразу же, если взглянуть на то, как должны быть экипированы бедные в идеологическом, стратегическом, военном и материальном плане, чтобы выдержать сражение с государственной армией. Другое дело, что бедные всегда используются как пушечное мясо во взаимных разборках государств и кланов.

Еще один образчик мифов демонстрирует нам другой прославленный представитель колониальной социологии – Э.Дюркгейм. Традиционные отношения как выражение ценности семьи, рода, племени, нации, которые являются основой социальности, он объявляет механической солидарностью, а отношения наемного труда – органической солидарностью и превозносит последнюю. Т.е, все вывертывается шиворот-навыворот, социальный опыт толкуется в негативном духе. Понятно, почему это было нужно Дюркгейму и стоявшим за ним акулам бизнеса. Роботизированный индивид, не имеющий никаких иных склонностей – мечта капиталиста. Можно сказать, это и есть код всей этой социологии, в чем можно убедиться, обращаясь уже к современным

модным западным течениям социологии – этнометодологии, структурализму и др. Главный исторический субъект – этнос – вообще выпал из поля зрения этой социологии.

Есть великое множество примеров того, как на протяжении столетий шла деградационная работа этой колониальной социологии, но особенно печалит нас, что последствия ее оказались ужасными, прежде всего, для армян. Начиная с доморощенных марксистов-армян, объявивших войну своему народу, и кончая, подготовленными во Франции младотурками – все обернулось для нас трагедией, в том числе и «цветная революция» 1917 г. в России.

Новое государство должно осознать силу социологии, передвигающей народы и меняющей социальный ландшафт территорий, и ни в коем случае не попадать снова в ловушку высоких теорий, обильно струящихся из-за рубежа и сочащихся кроваво-красным цветом грядущей трагедии во всех аудиториях своих и зарубежных университетов, обосновавшихся в Армении. Игнорировать социологию нельзя, результаты арабских и иных революций грозно об этом предупреждают. Но выстроить собственную социологию, извлекая подлинное социологическое знание из скрываемых тайников и анализа истории, государство обязано. Это и есть его наиболее сильная самозащита, переходящая в наступление.

Социальная работа

Если выстроена теория, то следующим логическим шагом будет организация социальной работы. В чем состоит основная задача этой дисциплины? Она обобщенным образом систематизирует и классифицирует все предыдущие и нескоординированные социальные мероприятия, приводя их в связь с теорией и конструируя желаемую социальность. Многое, что стихийно делалось в обществе, приобретает систематизированный и целевой характер. Например, введение замполитов в армии – это сфера социальной работы в армии. Если сейчас их роль выполняют священники, то их действия должны быть пропущены через призму научной дисциплины «социальная работа». Любые выступления по ТВ, демонстрация материалов и комментарии также нуждаются в подобной экспертизе. Ведь речь идет о неосторожном или намеренном сломе социальной машины. Из практики космичес-

ких полетов известно, что как только перестали диагностировать коллектив на предмет взаимной совместимости, между некоторыми космонавтами, побывавшими в совместном полете ограниченное время, возникла яростная ненависть, навсегда отрезавшая даже воспоминания о бывшем партнере. Но помимо личностных качеств, ведь можно было работать с коллективом и в плане создания определенной системы ценностей, особых этических норм, правил, развить взаимную эмпатию и т.д. Поле деятельности тут огромное. Но в эпоху космонавтики все это было неизвестно. Не говоря о том, что советские деятели не удосужились даже как-то социально-идеологически осмыслить эти великие начинания, придать им грандиозный космополитический характер, открывающий эру новой мировой социальности.

Социальную работу можно определить как приложение практических усилий по изменению (усилению, ослаблению) социальности. Конечно, сфера социальной работы должна быть социологически фундирована. До ее начала многое надо научно проработать – цели, желаемые следствия, побочные результаты, особые условия и специфика конкретного процесса социализации и т.д. Для формирования цели надо уточнить: а) состав целевой аудитории, б) какое поведение целевой аудитории надо изменить, в) какими методами это осуществить. Часто целью работы является трансформация системы ценностей. Следует учитывать, что объект может декларировать одну цель, а преследовать совершенно другую и т.д.

Истоки социальной работы уходят в глубокую древность. Хотя они об этом и не подозревали, но все маги, шаманы, представители духовных институтов, советники царей и императоров так или иначе были заняты и социальной работой. Если социологи древности, например, Конфуций, Пифагор, Будда разрабатывали учения и доктрины, то социальные работники в лице монахов, дервишей, священников, мулл и т.д. применяли на практике их положения – социализировали и воспитывали население, причем, каждый в своем духе.

Сегодня социологи и социальные работники, выполняющие эти жреческие функции, не обременены неистовым строительством храмов, не требуют себе обширных территорий, раболепного поклонения, не практикуют не совсем понятные ритуальные

действия и т.д. Наоборот, предельно рационально (цель-метод-результат-коррекция непредвиденных следствий), ясно и доступно для руководящего слоя они излагают свои соображения и хотят помочь тому обществу, в котором живут. Ведь если их не услышать, то мы все становимся жертвами сценариев, которые были разработаны социологами с противной стороны, и которые были услышаны собственными руководителями. Ведь не секрет, что все «цветные революции», госперевороты, войны и мировые реорганизации, задолго до того, как за них примутся спецслужбы, разрабатываются в недрах социологических мозговых центров. Это не та вузовская социология, о которой наслышан каждый студент, и от которой с кислой миной отворачивается обыватель. А может быть именно такая реакция и планируется этой мощной дисциплиной, стирающей границу между сознательным и манипулируемым поведением. Достаточно сказать, что так широко прокламируемые социологические исследования имеют скрытую цель понизить структуру общества и государства, незаметным образом принудить строить социальные и государственные институты на уровне массового сознания. Когда у вас ломается машина, вы обращаетесь к автослесарю, но почему, когда ломается социальная машина, вы снова обращаетесь к автослесарю?

Золотая пропорция как основа социальности

Золотую пропорцию толкуют по-разному. Для кого-то это просто корень простейшего квадратного уравнения. Для других — определённые свойства геометрических фигур (отрезков, звёзд, спиралей, свастики, многогранников). Для третьих — это основа для построения очень серьёзной математической теории, например, групп Фибоначчи в пределах общей теории групп. А для кого-то — это одна из пропорций, используемых при создании, реконструкции и описании произведений искусства: храмов, скульптур, архитектурных ансамблей, художественных фильмов, музыкальных и словесных текстов.

Золотое сечение и структуры с ним связанные (числа Фибоначчи, числа Люка, дочерние, «внучатые» и «дружественные» структуры) образуют ядро математики гармонии, которая бурно развивается в последние годы.

Наряду с математическим толкованием золотого сечения, в современной культуре широкое хождение имеет и житейское понимание этого феномена. Смысл его весьма расплывчат и текуч. С ним связывается нечто гармоничное, соразмерное, правильное, красивое, возвышенное. В сущности, такое понимание ничем не отличается от того, которое соотносится с обычной «золотой серединой». А для многих это просто красивое словосочетание, за которым скрывается что-то таинственное и не очень понятное.

Однако последние изыскания в области социологии показали, что и в повседневных отношениях золотая пропорция играет важную роль.

Вспомним, как формулируется золотое сечение: «целое так относится к средней части, как средняя часть относится к малой». В такой, неколичественной своей форме золотое сечение лежит в фундаменте многих социальных структур. Как формировалась средневековая иерархия? Сюзерену подчиняется вассал, который, в свою очередь, имеет своего вассала. Из исторических описаний этих взаимоотношений ясно вырисовывается подобие отношений первого и второго уровней. Отношение вассала к своему вассалу было схоже с отношением к нему сюзерена.

А разве не происходит так и во многих современных иерархиях? «Как начальник ко мне, так и я к тебе» - очень популярный принцип бюрократических организаций. В современных социумах, эта пропорция выступает в своей методической части как совокупность правил, методов и приемов, с помощью которых поддерживается иерархия. Точно те же приемы, спускаясь сверху вниз, обнаруживают распространенность золотого сечения и в обыденных взаимоотношениях людей. «Пусть бог так же отнесется ко мне, как и я к тебе». Более того, именно на соблюдении золотого сечения построена конфуцианская этика, имеющая силу и в современном Китае. Конфуций делал упор на воспитании элиты по «законам неба», которые спускаясь от элиты вниз к простолюдиям, формируют этику общества.

Говоря современным языком, поведение людей имеет фрактальный характер. На протяжении столетий приверженцы какой-то религии или этики многократно прилагают их рекомендации ко всем разнообразным социальным обстоятельствам, превращая социальную реальность в поле действия данных операторов – ре-

лигии или этики. Одна из разновидностей этих фракталов представлена золотым сечением. Если социология внимательно присмотрится к практическим результатам этих операторов, то неизбежна оценка их эффективности и отклонение тех или иных по рациональным соображениям.

Вся история международных отношений свидетельствует, что мировая арена не позволяет сосуществовать двум различным иерархиям. Каждая из них, имея свои внутренние пропорции, несовместима с другой. Вечно текущая война между иерархиями ослабляется только тогда, когда одна иерархия становится внутренней частью другой, встраивается как ее естественная часть. Но это возможно только, если включающая иерархия обладает более высоким уровнем духовного и интеллектуального развития и большей универсальностью. Иначе - сопротивление и непрекращающиеся попытки выхода за пределы этой иерархии, или стремление ее оседлать по праву более развитого элемента.

В многоэтничных обществах субиерархии строятся по разным основаниям, и строго говоря, не могут быть принципиально совместимы. Арсеналы методов поддержания иерархии у разных этносов отличаются, как и их уровни инвариантности. Поэтому, степень силы-власти, удерживающая такие несовместные структуры должна быть максимальной. Одновременно, растет и степень жесткости-жестокости в таких образованиях, приближая их конец и распадение на естественные иерархии, гомогенные по арсеналу методов. С ростом миграции в ряде регионов мира - из Северной Африки и с Ближнего Востока в Европу, из Латинской Америки и Карибского бассейна в США и во всё большей степени из Юго-восточной Азии в северные регионы - большее количество стран будет становиться полиэтничными и столкнется с проблемой интегрирования мигрантов в свои сообщества при уважении их этнической и религиозной самобытности. Это вызовет дальнейшее напряжение и скачок социального развития в этих странах, либо приведет к тоталитарности режимов и появлению жестких иерархий.

Многие табели о рангах, начиная с христианских «небесных ступеней» и до современных государственных чиновничьих разрядов подспудно содержат опору на те же соотношения верхнего и нижнего уровней, которые в логике и философии получили вы-

ражение «мета». Т.е. последующий этаж владеет всеми навыками и инструментами предыдущего, но еще и способен осознавать границы, контекстуальность, условность и относительность диапазона навыков предыдущих уровней. Или иначе, навыки предыдущего уровня не инвариантны относительно более широкого горизонта видения, который присущ последующему этажу. Иначе говоря, то, что предыдущий уровень воспринимает за «святую правду» по своей простоте душевной, является элементом манипуляции с точки зрения последующего уровня. Но этот переход является именно мета-переходом, поскольку по закону экономии сил, он не вносит ничего нового, только переводит старое содержание на более высокий уровень, что и есть иное выражение золотой пропорции. Вспомним, сложение сложений равно умножению, умножение умножений равно возведению в степень, мышление мышления равно философии, наука о науке равно методологии науки и т.д. И здесь можно увидеть знакомое золотое правило: «методология науки так относится к науке, как наука к своему объекту».

Переводя математические результаты в форму социального поведения, получаем, что каноническим, образцовым поведением, к которому в конечном счете обратятся во всех социально сопряженных взаимодействиях¹, будет такой поступок (действие, а не слово), который на единичной шкале, символизирующей сопряженное взаимодействие, выстраивает золотую пропорцию. Т.е., условно говоря, делит этот отрезок на части, составляющие золотую пропорцию. Например, в медицинской сфере это могло бы звучать следующим образом: «Вся медицинская сфера так относится к этому врачу, как этот врач относится к данному больному». В отличие от известного «золотого правила» этики и христианской Нагорной проповеди, где речь идет о простой симметрии, в оценку поступка и его канонизацию вовлекается вся область конкретных сопряженных взаимодействий. Социум здесь – верховный судья, альфа и омега всех поступков. Корпоративная этика могла бы многое почерпнуть из вариаций выведенного нами канонического социального действия (КСД - назовем его так).

¹ О социально сопряженных взаимодействиях см. Григорьян Э.Р. Интеллектуальные основания социального порядка. М., ИНИОН РАН, 2009, 195 с., с.38.

Приведем еще пример из библии¹. У вдовы, которая приютила Илию-пророка, заболел сын, и вдова возопила: «Что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего?». Илия взял сына с рук ее, и понес в горницу, где он жил, и положил его на свою постель. «И воззвал он к Господу, и сказал: Господи, Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?». 22. «И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил».

Илия обязал Господа отнестись хорошо к вдове, потому что вдова отнеслась лично к нему — Илии — хорошо. Если переведем эти отношения в пропорцию, то получим: В: И = Г: В. Т.е, вдова так же хорошо относилась к Илии, как и Господь должен отнестись к ней. Или, несколько иначе, Господь должен так же отнестись к вдове, как она отнеслась к Илии: Г:В = В:И. И так и так, получаем золотую пропорцию.

В повседневной жизни эти пропорции столь многочисленны, что мы их не замечаем, но сильно расстраиваемся, если они нарушаются. Например, в вышеприведенном случае, вместо Господа может фигурировать любой персонаж, друг, родственник, какой-то коллектив и т.д., которого мы обязываем хорошо относиться к тому человеку, который хорошо отнесся к нам. Так, благодаря золотой пропорции, возникает, ширится и умножается социальный капитал и поддерживается социальность.

Если же вдова отказала бы Илии в куске хлеба, то не исключен вариант, что Илия призвал бы Господа наслать все беды на голову этой вдовы, именно из-за такого отношения к страннику. Та же золотая пропорция, но уже выступает в качестве предостерегающей санкции, предотвращающей недобрые взаимоотношения.

Обращаясь к устойчивости общества, к прочности, неконфликтности взаимоотношений, мы видим, что наилучшей защитой во взаимоотношениях слабого с сильным, попыток установления внешнего управления и многих иных взаимодействий является принятие слабым позиции, близкой к точке золотого сечения, к которой, как к наиболее устойчивой точке, рано или

¹ "Ветхий Завет". Книга Царств III, Глава 17, 10-22.

поздно, скатятся волны взаимодействия. В медицинском случае, больной должен держаться так, чтобы ни в коем случае не поставить под сомнение или поколебать статус врача в окружающем медицинском сообществе. Из практики известно, что больные стараются не только не нарушать это правило, но даже заходят очень далеко, лгя и подыгрывая самолюбию врача.

Из синергетики мы знаем, что структуры, относительная энтропия которых достигает одного из значений золотых пропорций, обладают способностью аттракторов «притягивать» к себе другие структуры и, наделяя последние присущими им качествами, придавать таким структурам собственные черты, преобразовывать их порядки, распределение субстрата, связи и отношения под свойственный им канонический типаж. Системы с такого рода структурами организованы наиболее рационально и функционируют с минимумом энергетических издержек и других непроизводительных затрат ресурса, от которого зависит их существование. А это и есть ни что иное, как состояния структурной и функциональной гармонии, равнозначные неравновесной устойчивости самоорганизующихся, эволюционирующих систем природы, общества, человеческого интеллекта. И кто знает, не эти ли «божественные законы» были некогда установлены в древней Аратте? Через Пифагора, имеющего халдейское происхождение, и унаследовавшего эти знания от жрецов древней Аратты - халдейских общин, эти тайны древней цивилизации были переданы грекам и донесены до нас.

А сегодня имеет смысл наряду с фигурами экономики и политических хитросплетений присмотреться и к этим золотым пропорциям, в которых раскрываются секреты справедливого устройства общества.